Белгорода в родной Полоцк. О Всеславе не сохранилось представления как о трусе, напротив, его популярность могла скорее питаться храбростью. Как же объяснить, что этот любимый и храбрый князь, быть может и связанный с нечистой силой (вера в языческих богов еще не искоренена, быть может, христианские бесы это и есть языческие боги?), князь, о рождении которого поговаривают, что оно произошло не без участия волхования, князь, известный тем, что дружина спит, а он не спит (уж не лунатик ли Всеслав?), этот князь ночью, в синей мгле, тайком от преданных ему киевлян бежит? Уж не обесился ли он? Не вселились ли в него бесы? Представляется, что такая квалификация поступка Всеслава в народной молве, в эпосе, под пером автора «Слова» по крайней мере вероятна.

В свете этих соображений может быть интерпретирована и сжатая характеристика Всеслава, данная следующими словами: «Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ нъ часто бѣды страдаше». Не касаясь здесь возможного понимания определения в словосочетании «въ друзѣ тѣлѣ», допуская, что оно означает либо «в отважном», либо «в двояком», допуская также, что не исключена возможность прочтения слова *бѣды* как искаженного *бѣднѣ*, но не настаивая на ней, считаем целесообразным обратить внимание на некоторые оттенки в значении глагола *страдати* Наряду со значением «работать, трудиться» в «Материалах» И. И. Срезневского приведены и примеры употребления глагола *страдати* в значении «страдать, мучиться», добавим «болеть». Воспроизведем некоторые из этих примеров: «Сиѧ мои... на новъ мѣсяць бѣсноуѥться и зьлѣ страждеть (Остромирово евангелие, Мф. 17, 15)»; «Страждѫщеи отъ дхъ нечистыихъ цѣлѧхѫсѧ (там же, Лк. 6, 18)»; «бѣднѣ стражѧ (Четвероев. 1144 г., Мф. 8, 6; в Остр., Асс: лютѣꙗко страждѧ)».[40] Если последний из приведенных примеров может быть аргументом в пользу чтения *бѣды* как *бѣднѣ*, то первые два демонстрируют использование глагола *страдати* для обозначения болезненного состояния человека, в которого «вселились бесы». Всеслав, человек с вещей душой, был болен, причем болезнь его, периодически обостряясь, не составляла тайны для окружающих. Таинственной кажется им симптоматика заболевания, именно она порождает изумление и суеверный страх; вместе с тем окружающие понимают, что Всеслав страдает.

Возможна ли подобная (разумеется, гипотетическая) ситуация? Привлекая к анализу симптоматологические данные, мы вправе ответить на этот вопрос утвердительно; более того, приводимые факты хорошо согласуются с предположением об эпилептоидном характере личности Всеслава. Весьма характерны для соответствующих синдромов слуховые галлюцинации типа колокольного звона (не так ли следует понимать следующее место: «Тому въ Полотьскѣ позвониша заутренюю рано у Святыя Софеи въ колоколы: а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша»?), не исключены и галлюцинации зрительные (ср. неожиданное в контексте летописного повествования об освобождении Всеслава из темницы упоминание о бесовских видениях, возможно смущавших князя). Зачастую при эпилепсии не наблюдаются припадки: их замещают так называемые эквиваленты, протекающие в форме необычайно ярких галлюцинаций и состояний транса, снохождения (знаменательна приписываемая Всеславу способность «рыскать» ночами; так же, быть может, объяснялось и странное бегство князя. При этом — в полном соответствии с «логикой оборотни-

---

[40] Срезневский. Материалы, т. III, стлб. 531—532.